

Жун Жо больше не боялся Гу Мэнъи.

— Как вы убили У Хуэйюнь? И как пробрались в дом семьи У?

Гу Мэнъи издала ледяной смешок и перевела взгляд на Чао Шэна, который всё еще не мог прийти в себя от ужаса. Цзян Ехун схватил парня за шиворот и вытянул вперед, тот попытался спрятаться за широкую спину главы павильона.

— Это... это я открыл дверь, — пролепетал Чао Шэн. — Я думал, это та Гу Мэнъи, которую я знал... Она сказала, что заберет кое-какие вещи и уйдет. Я не знал, что она вернулась убить хозяйку! Клянусь, я не знал!

Гу Мэнъи продолжала жутко скалиться.

— Я заставила его подмешать снотворное в лекарство У Хуэйюнь. Потом он открыл мне заднюю дверь, и я вошла в дом как к себе домой. Прокралась в спальню, утащила эту тварь в тайник... Сначала я вырвала ей язык, чтобы она не могла кричать, потом отрубила пальцы. Видели бы вы, как жалко она молила о пощаде! Подумать только, при жизни была такой высокомерной, а в конце подыхала, как скотина на бойне. Я убила её, затащила на второй этаж и подвесила к балке. А потом наклеила на окно вырезанные из ткани силуэты и натянула шелковые нити...

— А дальше пропустили их через слуховое окно, — подхватил Жун Жо. — Полагаю, подсвечник служил вам креплением для нитей? Сначала я думал, вы использовали его, чтобы вешать свечи. Подготовив всё, вы притворились, что уходите, обманув Чао Шэна, а когда начало смеркаться — разыграли перед нами спектакль. Вы специально это подстроили, чтобы подставить У Юя?

Гу Мэнъи промолчала, лишь загадочно улыбнулась. Жун Жо был прав.

— Вы намеренно создали тени на окне, чтобы навести нас на мысли о театре теней и вывести на У Юя, — продолжал юноша. — Видимо, вы давно заметили, что его часто не бывает дома, и он использует кукол, чтобы пустить пыль в глаза?

— Да, — прохрипела женщина. — Жаль только, что вы, олухи, так и не разгадали тайну самого У Юя.

Жун Жо ничуть не задело это оскорбление.

— Тайну У Юя? О том, что он часто притворяется, будто находится дома, или о том, что он на самом деле — Го Цзянь?

Гу Мэнъи резко распахнула глаза.

— У Юй — это Го Цзянь? О чем ты несешь?

Жун Жо помедлил. Он не мог раскрыть происхождение У Юя при всех.

— Настоящий У Юй утонул много лет назад. У Хуэйюнь из корыстных побуждений заставила Го Цзяня занять его место. Того У Юя, которого вы все знали, не существует. Это был Го Цзянь.

Гу Мэнъи расхохоталась — громко и безумно.

— Так вот почему он вечно исчезал! Оказывается, он был подделкой! Ха-ха-ха!

— Расскажите о Фу Юдао, — прервал её смех Жун Жо. — Как вы убили его?

Взгляд Гу Мэнъи потух, став пустым. При её болезненной худобе это выглядело пугающе.

— В ту ночь я караулила пьяного Фу Юдао. Зажала ему рот и нос платком, пропитанным дурманом, и оттащила в заброшенный двор неподалеку от его дома. Я облила его маслом и сожгла заживо. Не ожидала только, что за нами наблюдает Гу Цзицы... Оказалось, он тоже поджидал этого мерзавца, чтобы отомстить. Мы вдвоем погрузили тело на тележку и повезли к медицинской лавке семьи Гу. Но когда добрались, увидели ночного сторожа и двух ловцов. Гу Цзицы набросил на себя белую простыню и распугал их. Пока мы сгружали труп, он велел мне уходить, сказав, что сам поднимет шум, чтобы тело поскорее нашли.

Для Жун Жо это не стало новостью.

— Значит, это Гу Цзицы изображал призрака в лавке. Он заранее готовил почву для убийства Фу Юдао. Хотел не просто прикончить его, но и убедить всех, что это кара небес. Подозреваю, что и с благовониями У Хуэйюнь поработал он же.

— К чему все эти сложности? — пробормотала Гу Мэнъи. — Ученые вечно всё усложняют. Мало кто знал об обидах моих родителей? Всем было плевать. Всё равно в итоге дело бы замяли.

Цзян Ехун махнул рукой, приказывая увести преступницу. Она больше не сопротивлялась. Глава павильона похлопал Чао Шэна по плечу:

— Иди отдыхай.

Он понимал, что парень еще долго не сможет спокойно спать.

Цзян Ехун взял Жун Жо за руку и сердито нахмурился:

— Вышел в такую погоду, даже не набросив ничего сверху! Руки — чистый лед. И разве я не говорил тебе сидеть дома? Почему не слушаешься?

Жун Жо виновато улыбнулся:

— Прости, старший брат Чу. Я не мог усидеть на месте, волновался... Не сердись.

Цзян Ехун поспешно выпустил его ладонь:

— Да не сержусь я! Просто... это было опасно. Ты же знал, на что она способна, зачем подошел так близко? А если бы она тебя ранила?

Жун Жо лукаво посмотрел на него:

— Но ты ведь меня спас.

— А если бы я не успел?

Жун Жо очаровательно наклонил голову набок:

— Значит, сам виноват.

— Ты! — Цзян Ехун по-настоящему расстроился. — Не смей так говорить! Что значит «сам виноват»? Еще раз такое услышу, и я...

Ударить он не мог, ругать — тем более. Не найдя способа наказать юношу, Цзян Ехун лишь подавил в себе глухое раздражение.

Жун Жо осторожно потянул его за край рукава:

— Старший брат Чу, в следующий раз я буду осторожнее. Пожалуйста, не злись. Это я во всем виноват.

Глава павильона не выдержал и с силой взъерошил волосы на макушке Жун Жо:

— Непослушный мальчишка.

Жун Жо опешил, а затем негромко рассмеялся:

— Старший брат Чу, ты удивительно добрый человек.

— Кто это добрый? — буркнул Цзян Ехун, потряхивая кулаком перед его лицом. — Еще раз такое повторится, и я действительно...

Но Жун Жо смеялся всё веселее.

— Хорошо, больше не повторится.

Дело было закрыто, и с души Цзян Ехуна словно свалился огромный камень.

— А-Жо, спасибо тебе.

Юноша растерялся:

— За что ты меня благодаришь?

— Если бы не ты, мы бы не раскрыли дело так быстро. Ты — мой талисман на удачу.

Жун Жо еще больше смутился и принялся теревить рукав:

— Талисман? Пожалуйста, не говори так. Какой из меня талисман... я...

Цзян Ехун взял его за руку и серьезно произнес:

— А-Жо, любая магия зависит от того, кто её использует. Разве можно считать шаманство злом, если оно не несет вреда? А если медициной калечат людей, разве это медицина? Ты дважды спас меня своими силами, ты — мой спаситель. С тех пор как ты рядом, дела раскрываются куда легче. Так что ты и впрямь мой счастливый знак.

Жун Жо прослезился. Он улыбнулся — открыто и немного робко:

— Это мне стоит благодарить тебя. Встретив тебя, я смог покинуть то постыдное место. Это ты — мой талисман.

Цзян Ехун густо покраснел и от смущения начал шагать невпопад.

— Ну... это... Я просто человек чести, во мне живет дух справедливости. Ты как, больше нигде не болит?

— Мне уже гораздо лучше, не беспокойся так.

Они шли плечом к плечу. Цзян Ехун, охваченный неловкостью, не знал, о чем говорить, а Жун Жо просто молчал. Иногда рука главы павильона случайно задевала тыльную сторону ладони юноши, но тот не отстранялся. «Значит, не против», — успокаивал себя Цзян Ехун. Однако мысль о том, что Жун Жо видит в нем лишь «старшего брата», вдруг стала невыносимой. Неужели эти случайные касания Жун Жо воспринимает просто как родственную близость?

Незаметно они дошли до дома. Жун Жо первым поднялся по ступеням. Стоило двери открыться, как к ним, виляя хвостом, подбежал Хэй Яньван. Жун Жо потрепал пса по голове:

— Ждал нас допоздна? Умница.

Цзян Ехун заметил, каким нежным взглядом пес смотрит на юношу, и невольно разозлился. С ним эта псина никогда не была такой ласковой. Оказывается, даже собака его ни во что не ставит! Впрочем, затевать ссору с Хэй Яньваном он не решился — в этом доме он не мог совладать ни с курами, ни с собакой.

— Я пойду спать. Ты тоже ложись, — буркнул он и юркнул в свою комнату.

Работа ловца — дело не из легких: вечные погони и допросы выматывают до предела. Цзян Ехун рухнул на кровать, не желая шевелить ни рукой, ни ногой. Нащупав в изголовье тетрадь, он лениво перелистал её. У Чу Фэя была привычка вести записи по делам, и Цзян Ехун уже нашел несколько таких рукописей. Однако в них не было ни слова о расследовании гибели Цуй Ина, сына князя Наньсянь-вана. Зная дотошность Чу Фэя, он не мог просто проигнорировать такое важное дело.

Цзян Ехун сел и принялся обыскивать книжные полки. Наконец под кипой старых книг он обнаружил тетрадь, которую раньше не видел. Открыв её, он замер: страницы были пусты. Совсем ничего? Неужели неиспользованная? Но толщина была странной — присмотревшись, он понял, что записи там были, но их безжалостно вырвали. Могло ли это быть связано со смертью Цуй Ина? Он вернул тетрадь на место. Нужно будет заняться этим, когда появится время.

На следующее утро Цзян Ехун проснулся сам, без посторонней помощи. Солнце уже стояло высоко, и, на удивление, ни куры, ни собака его не беспокоили. Наскоро одевшись, он вышел во двор и увидел Жун Жо — тот подметал дорожки. Плечо еще не зажило, только-только оправился от отката магии, а уже за работу?

Цзян Ехун решительно шагнул к нему и выхватил метлу:

— Сказал же отдыхать — значит, отдыхай! Дождись, пока я освобожусь, сам всё сделаю.

На щеках Жун Жо появился легкий румянец, хотя он всё еще выглядел болезненно. Он попытался забрать метлу, но Цзян Ехун поднял её повыше. Юноша улыбнулся:

— Старший брат Чу, мне уже лучше. К тому же, подмести двор — не такая уж тяжелая работа. Я не могу просто лежать без дела, места себе не нахожу.

Цзян Ехун отшвырнул метлу в сторону и увлек Жун Жо в дом:

— Дай я посмотрю, что там с раной.

Жун Жо замялся, явно смутившись:

— Всё в порядке, честное слово. Тебе не стоит беспокоиться.

Чем больше он отнекивался, тем сильнее Цзян Ехун убеждался, что от него что-то скрывают. Он мягко, но уверенно надавил на плечи юноши и потянул за ворот халата. Белоснежное плечо напоминало кусок отшлифованного нефрита. Цзян Ехун мгновенно вспыхнул. Какая нелепость! Вдруг Жун Жо примет его за похотливого грубияна?

Но отступить было поздно. Даже если его сочтут наглецом, он обязан проверить рану. Повязка еще была на месте — значит, еще не зажило. Синяки на шее почти исчезли, открывая изящный изгиб.

— Старший брат Чу, правда, всё хорошо, — Жун Жо попытался прикрыть ворот.

Цзян Ехун, преодолевая неловкость, принялся разматывать повязку. Рана уже начала затягиваться корочкой, но края в самых глубоких местах всё еще оставались воспаленно-красными. Сердце предательски сжалось. Он невольно коснулся пальцами кожи рядом с раной, и Жун Жо заметно напрягся. Цзян Ехун тут же отдернул руку. Что он творит?! Юноша наверняка решил, что он над ним издевается.

— Прости, я только хотел...

Он суетливо начал забинтовывать плечо обратно. Пальцы то и дело касались нежной кожи, и Цзян Ехуну казалось, что его кончики пальцев горят. Справившись с повязкой, он запахнул края халата и невольно встретился взглядом с Жун Жо. Его глаза, глубокие, словно весенние воды, заставили сердце главы павильона пропустить удар.